

УДК 316.48

Окладникова Е. А.

**ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ:
ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО
НАПРЯЖЕНИЯ В НАРРАТИВАХ
ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА****АННОТАЦИЯ**

Цель настоящей статьи – представить результаты социологического исследования представлений, как эмоциональных, так и рациональных, о внутригосударственных межэтнических конфликтах жителей Санкт-Петербурга. Это исследование было проведено качественным методом нарративного интервью.

Большинство респондентов признали реальной угрозу внутригосударственного межэтнического конфликта. Согласно известной теореме У. Томаса, если люди воспринимают какую-то ситуацию как реальную, то и последствия этой ситуации будут реальными. Исходя из анализа текстов интервью, можно заключить, что такими последствиями для жителей Санкт-Петербурга могут стать: 1) дальнейший рост националистических настроений, 2) снижение толерантности в отношении представителей трудовой миграции, 3) рост социальной напряженности, включая выступления против коррупции и этнической преступности.

Наше исследование – вклад в общесоциологический мониторинг настроений россиян по отношению к проблеме внутригосударственных межэтнических конфликтов. Такой мониторинг открывает возможности: 1) прогнозировать дальнейшее развитие протестной активности и ее дрейф между отраслями, регионами и типами конфликтов; 2) определять источники потенциальных и реальных угроз, о которых люди рассказывают в устных интервью более развернуто и охотно, чем при заполнении установочных анкет; 3) разработать нетривиальные сценарии формирования толерантных отношений в обществе на основе информации, которая латентно содержится в интервью.

Ключевые слова: внутригосударственный межэтнический конфликт; метод нарративного интервью; факторы социальной напряженности; трудовая миграция; общественное мнение.

*Elena A. Okladnikova***DOMESTIC ETHNIC CONFLICT:
THE FACTORS OF SOCIAL TENSION
IN THE NARRATIVES OF THE
RESIDENTS OF SAINT PETERSBURG****ABSTRACT**

The purpose of this article is to present the results of the sociological research of emotional and rational ideas about the so-called “domestic ethnic conflict” (intra-state ethnic conflict – a social conflict between the citizens of the Russian megalopolis and labor migrants) of citizens of St. Petersburg. This study was done with the help of a qualitative method of narrative interviews.

The majority of respondents have acknowledged the real threats of domestic ethnic conflict. According to the theorem of U. Thomas, if people perceive a situation as real, the consequences of this situation will be real. Therefore, based on the analysis of the texts of interviews, it can be concluded that such consequences for the residents of St. Petersburg are: 1) the further growth of nationalist sentiments, 2) lower tolerance in relation to representatives of labor migration, 3) the growth of social tension, including actions against corruption and ethnic crime.

Our study is a contribution to general sociological monitoring of Russians in relation to the problem of domestic ethnic conflict. Such monitoring reveals the following opportunities: 1) to predict the further development of protest activity and its drift between sectors, regions and types of conflicts, 2) to identify sources of potential and real security threats that people speak of in interviews in greater detail and more willingly than when completing written questionnaires; 3) to develop unconventional scenarios of formation of a tolerant society based on the information contained latently in an interview.

Key words: intra-state ethnic conflict; the method narrative interviews; factors of social tension; labor migration; public opinion.

В первом десятилетии XXI в. европейские социологи пришли к выводу, что принципы функционирования современного социума усложняются, а вместе с этим наблюдается интенсификация процессов возникновения новых уязвимостей [8], и соответственно, новых форм социальной напряженности. На страницах российских социологических журналов в настоящее время они описываются следующими понятиями: «комплексы острых социальных проблем периода становления олигархического капитализма в России» [10], «социальный конфликтный потенциал», «новые формы протестного социального активизма» [16], «социально-коммуникативные проблемы разных социальных миров, обладающие своими поведенческими кодами, языками, самосознанием» [16], «транснационально ориентированные социальные проблемы мигрантских сообществ» [11], «проблемы *интерстициальных* («*interstitial*») зон города (социально-патогенных зон города, например, мест проживания трудовых мигрантов, рынков, где реализуется потенциал этнической экономики, и т. п.)» [18, р. 21-22; 19], «феномен *сукцессии* (*succession*) в городском пространстве, т. е. замещения одной гомогенной группы населения со сходными социальными траекториями и характеристиками, занимающей территорию определенного городского ареала, другой гомогенной группой» [11], «кентавр-проблемы» [15] и др. Британский социолог Э. Гидденс полагал, что «радикальный модерн» отличается рефлексивной природой современных акторов [5, с. 34]. Такими акторами для нас в настоящем исследовании выступили коренные жители российских городов как представители общества, принимающего трудовых мигрантов. Понятно, что никакая разработка социальных программ по смягчению социальной напряженности, в частности, вызванной процессами трудовой миграции, невозможна без применения более тонких, чем количественные аналитические процедуры, т. е. методов сбора социологической информации, учитывающих сенситивный характер сообщаемых респондентами сведений. Таким новым социологическим инструментарием, предполагающим широкое использование не только

количественных, но и качественных методик являются фокус-группы, дискурсивный и транссимволический анализы, нарративные интервью и др.

Нарративное интервью как методика исследования позволяет социологу понять то, как люди воспринимают, чувствуют и отражают в своих высказываниях социальные угрозы и напряжения. Одной из таких угроз современной повседневной жизни мегаполиса является возможность межэтнических столкновений, т. е. внутригосударственного межэтнического конфликта (далее – ВГМЭК). Рабочей задачей исследования стало выявление показателей, которые характеризуют переживание этой угрозы и связанное с ней чувство социальной напряженности. Общая же программа исследования предполагала изучение устных описаний факторов социального напряжения, возникающего в ситуации конфликта между представителями автохтонного населения мегаполиса, в частности, Санкт-Петербурга, и сообществами, которые в сознании автохтонов идентифицируются как «чужие», «другие», «приезжие», «трудо-вые мигранты».

Что такое ВГМЭК? Это открытое столкновение между автохтонным населением (как правило, идентифицирующим себя как русские, россияне) и представителями пришлого населения, определяемыми автохтонами как: 1) представители «кавказских и среднеазиатских диаспор»; 2) местного бизнес-сообщества (чеченцы, азербайджанцы, армяне); 3) трудовые мигранты (узбеки, таджики и др.). Конфликты такого рода происходили в России с начала 2000-х гг. Наиболее известными стали следующие: 1) Кондопога (2006) – конфликт между автохтонами и пришлым (кавказским) населением. Кавказцы занимались мелкооптовой торговлей, вытесняя с рынков депрессивного региона автохтонов, лишая их заработка. *Поводом конфликта* стала банальная ресторанный драка. Местное население требовало выселения чеченцев. Всплеск воинствующего национализма превратился в общественное явление. Аффективный протест против «пришлых», их бесцеремонности, культурной и экономической экспансии спровоцировал кровопролитие. 2) Сагра (2011) – это

конфликт между автохтонным населением и «культуртрегерами» (цыганской диаспорой, к незаконной деятельности которой присоединилось кавказское сообщество). *Поводом для конфликта* стал акт воровства, который совершили местные бомжи, «работавшие» на цыганского барона В. Лебедева. *Причиной же конфликта* была теневая этническая экономика (наркоторговля, осуществляемая цыганской семьей Красноперовых, которую поддерживали представители местной азербайджанской общины). Форма, которую приобрел этот конфликт, внешне (символически) определялась автохтонным населением как этическая. 3) Пугачев (2013): *причиной конфликта* стали различия в ментальных практиках местного и пришлого населения (представители кавказской диаспоры). Члены кавказской диаспоры привыкли решать жизненно важные вопросы вне институтов государственной власти, в отличие от местного населения, привыкшего полагаться на закон и власть, которая, по их мнению, должна быть гарантом исполнения закона. *Повод конфликта* – убийство молодого человека (десантника, который вернулся из армии) чеченским подростком из-за девушки. Местная чеченская диаспора договаривается милицией, и убийце-подростку назначают два месяца заключения. Последнее обстоятельство возмутило жителей. Начались стихийные выступления, перекрытие трассы на Волгоград и т. п. 4) Бирюлёво (2013) – это конфликт между автохтонным населением и мелкими оптовиками с Кавказа. *Причина конфликта* имеет несколько уровней: 1) коррупционная схема «крышевания» этнического бизнеса правоохранными органами Москвы; 2) передел бизнеса между азербайджанской и чеченской группировками; 3) недовольство местного населения поведением работников овощной базы, превращенной в приют для многочисленных выходцев с Кавказа и др. *Поводом для конфликта* стало убийство местного жителя членом бандитской азербайджанской группировки¹.

На основании анализа информации о причинах, поводах, сценариях, ходе, разрешении

(прекращении) ВГМЭК, которая содержится в обширной научной и публицистической литературе, мы можем заключить, что конфликты такого рода обладают следующими характеристиками, которые отличают их от межгосударственных этнических конфликтов. 1) Обычно они проходят длительную предварительную фазу накопления социального недовольства, в основном, у жителей принимающей «чужих», «других», «трудовых мигрантов» стороны. 2) Стихийный характер возникновения и протекания конфликта. Поводом для такого конфликта часто является кровавый преступный инцидент (воровство, убийство), который приводит к противостоянию двух групп. *Первая группа*: автохтонного населения, идентифицирующего себя как россияне, и *вторая группа*: приезжие, которые идентифицируют себя как этнические образования (чеченцы, азербайджанцы, таджики, узбеки и др.). Представители второй группы отличаются степенью успешности в бизнесе; разными паттернами установления отношений с официальной властью в сравнении с автохтонами; иными обычаями, системой ценностей, религиозными представлениями, экономическим статусом и т. п. 3) Критический уровень социального напряжения, социальной неудовлетворенности, которую к моменту активной фазы ВГМЭК испытывают представители групп противостоящего населения в урбанизированных условиях. Поэтому ВГМЭК как форма проявления социального напряжения является реакцией общества принимающей стороны на пришлое население (включая трудовых мигрантов), а также на события, приводящие к фрустрированности общества в целом. В итоге, социологи предупреждают, что результатом ВГМЭК могут стать события, ведущие к изменению социальной структуры общества [14, с. 109] На основании идей, изложенных выше, становится понятным, что ВГМЭК – свидетельство усиления уже имеющихся в обществе интолерантных социальных отношений.

Угроза усиления интолерантности в жизни современной России возникла в результате того, что россияне столкнулись с качественно иной миграцией по сравнению с той,

¹ Нашими респондентами упоминались и другие ВГМЭК, например, в Демьяново, в Яндыках, беспорядки на Манежной площади в Москве (2010) и др.

которая была в XX в. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, трудовые мигранты – люди, которые в массовом количестве приезжают в российские мегаполисы, в культурном отношении более далекие и менее адаптивные к категориям европейской ментальности, чем их гораздо менее массовые предшественники в Советской России. Современные мигранты весьма склонны к формированию анклавов этнической экономики [1, с. 69; 2; 4; 12]. Они плохо владеют русским языком, стараются жить в мегаполисе по своим правилам, часто ведут себя агрессивно по отношению к жителям мегаполиса.

ВГМЭК и трудовая миграция. Как показало наше исследование, обыденное сознание жителей Санкт-Петербурга на интуитивном и эмоциональном уровнях ассоциирует ВГМЭК с трудовыми мигрантами. Трудовые мигранты рассматриваются большинством наших респондентов в терминах близких к понятию «враг»: а именно, как «чужие», «другие», «нелегалы», «инсургенты» и т. д. Наши респонденты указывали на то, что эти «чужие», «другие», «нелегалы», т. е. трудовые мигранты, которые были втянуты теневыми этническими бизнес-структурами в ВГМЭК, например, в Бирюлёво, являлись представителями разных этно-национальных групп. Эти люди оказались в силу экономических причин (поиск заработков, организация процессов этнической экономики и т. п.) сосредоточенными на конкретной территории (мегаполиса, города, поселка). Критическая масса «чужих», которые начали устанавливать свои порядки, угрожая устоям жизни коренного населения Бирюлёво, превысила допустимые пределы. В результате возникло противостояние. На такое понимание нашими респондентами причин Бирюлевского конфликта оказали влияние исторические реалии, связанные с особенностями развития процессов трудовой миграции в XX в. Эти процессы были вызваны оживлением российской экономики, довольно быстро столкнувшись с растущим дефицитом рабочей силы. Труд, в силу ряда причин (девальвации ценности труда, распространению культуры консюмеризма, разгрома системы образования, включая сред-

нее профессиональное, и т. д.) стал одним из самых дефицитных ресурсов. Постепенно Россия из страны-поставщика квалифицированной рабочей силы на Запад превратилась в страну транзита трудовых мигрантов, а сегодня – в страну-экспортера неквалифицированных этно-трудовых мигрантов. Последние представлены, в основном, выходцами из бывших республик СССР: Закавказья, Средней и Центральной Азии, а также Украины и Молдавии. Как показали социологические исследования [9], с явлением этно-трудовой миграции связаны многие негативные последствия: 1) усиление нелегальной миграции, 2) рост этнической преступности, 3) сложности адаптации этно-трудовых мигрантов к условиям жизни в обществе принимающей стороны, 4) коммуникативные проблемы (незнание русского языка, неприятие ценностей европейского урбанизированного сообщества и др.); становление феномена транслокальной идентичности.

Характеристика респондентов. Настоящее исследование было осуществлено среди коренных жителей Санкт-Петербурга методом формализованного интервью. Многие наши респонденты (в основном, представители студенческого сообщества) были заранее ознакомлены с социологическими параметрами ВГМЭК, его причинами и последствиями¹. Вопросы для интервью были заготовлены заранее. В контексте проблемного поля нашей работы мы использовали три группы респондентов разного возраста: молодежь (21-28 лет); людей среднего возраста (29-54 лет); людей пожилого возраста (60 лет и старше). Всего было проанализировано 26 интервью: в первой группе было взято 13 интервью, во второй 10 интервью, в третьей 3 интервью. Интервью проводились в Санкт-Петербурге в 2014 г.

Методика исследования. В качестве методики изучения мы использовали нарративное интервью как одну из распространенных стратегий качественного исследования. Ис-

¹ Например, студенты, которые приняли участие в интервьюировании, слушали общие курсы «Этносоциология», «Конфликтология», «Социология коммуникаций», а также были участниками научно-исследовательских проектов, темой которых были конфликты в Кондопоге, Сагре, Пугачеве и Бирюлёво.

следования мнения жителей мегаполиса по другим исследовательским вопросам с использованием методик интервью проводились социологами под руководством О.М. Масловой, В.М. Воронкова и др. [3, с. 20] Их работы показали, что жители мегаполиса не очень охотно готовы давать информацию о своих истинных помыслах и настроениях. Поэтому мы, опираясь на их наработки [6], для конструирования своих категорий анализа, применили в работе стратегию «grounded theory» американских социологов А. Страусса и Дж. Корбин [13]. Работы Страусса и Корбин базируются на достижениях М. Вебера и К. Гирца.

К. Гирц, а еще раньше М. Вебер, собирая обширные эмпирические (социально-антропологические) материалы, стремились не столько к выявлению социологических закономерностей, сколько к изучению смыслов, которые отдельные акторы вкладывали в совершаемые ими социальные действия. «Интерпретативный подход к анализу данных, в первую очередь, ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих деятелей, на создание наблюдателем теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых» [17, р. 5]. Нарративное интервью как метод наблюдения дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ [7]. Несмотря на то, что респонденты в начале беседы не слишком охотно «откровенничали» с нами, используя особые формы коммуникации (доверительное общение, согласие с доводами и идеями респондентов, подталкивание их к развернутым высказываниям и др.), нам удалось получать от них реалистические высказывания. Именно эта исследовательская стратегия позволила перейти от «данных опыта» к данным «далеким от опыта». Как полагал К. Гирц, целью здесь является «не экспериментальная наука, ищущая закон, а интерпретативная наука, нацеленная на поиск смысла» [17, р. 5]. Интерпретативный подход К. Гирца к анализу данных ориентирует исследователя на поиск смысла социального поведения с точки зрения самих наблюдателей, т. е. жителей мегаполиса, а также на создание исследователем

теории, отражающей собственные «теории» наблюдаемых. Работа с текстами нарративов (интервью), осуществленная в духе методики К. Гирца, направила логику ее дальнейшего сбора в ситуации свободного интервью. Суть работы сводилась к тому, что каждый последующий текст нарратива рассматривался нами в контексте тех кодов, которые были выделены в качестве первичных обобщений в тексте предыдущего интервью. Это удалось сделать потому, что респонденты пытались организовать свои представления о ВГМЭК, пропуская их через индивидуальный опыт и тезаурус своего социального интеллекта. Дело в том, что количественные исследования (результаты обработки данных анкетного опроса) не дают возможности в полной мере понять, чем люди живут, что и как они переживают: объяснительный потенциал, который респонденты хотят изложить исследователям, остается за рамками числовых характеристик. Поэтому услышать респондента позволяют качественные методики: нарративное интервью, глубинное интервью, фокус-группа. Поиск объяснительного потенциала интервью предполагает цитирование высказываний респондентов, т. е. воспроизведение речи, приближенной к обыденной жизни, в которой присутствуют метафоры, аналогии, образы. Именно цитаты позволяют выделить смысловые структуры социального мира, генерирующего различные виды социальной напряженности, включая ВГМЭК.

Данные, которые мы получили, представляют интерес в силу следующих особенностей: 1) личной формы изложения видения проблемы, 2) индивидуальности свидетельства, переполненного как субъективным, так и социальным содержанием; 3) дают возможность выявить уровень понимания людьми особенностей социальных процессов, которые происходят в современном российском обществе, 4) создать модель информационного образа общества, в котором мы живем. Можно сказать, что жизненная ситуация респондентов находится в строгой корреляции с исторической эпохой, географическим регионом, типом их экономической деятельности, отношениями собственности и правопорядка. Социальное напряжение, которое они испы-

тывают, размышляя о своих представлениях о ВГМЭК, формируется в результате разнообразных социальных и индивидуальных обстоятельств, т. е. факторов их бытия.

Для детального анализа в качестве индикаторов уровня социального напряжения жителей мегаполиса в связи с ВГМЭК, факторы которого они должны были выявить и описать по ходу интервью, нами были отобраны: 1) отношение респондентов к ВГМЭК, 2) спектр их представлений о конфликтах такого рода, 3) мнение о причинах конфликта, 4) возможность участия респондентов в конфликтах такого рода, 5) отношение

респондентов к русской националистической идеологии в контексте их представлений о ВГМЭК; 6) отношение респондентов к представителям трудовой миграции и др.

Результаты исследования. В силу ограниченного объема статьи мы остановимся на представлении результатов анализа тех частей интервью, в которых респонденты рассказывали о своих переживаниях (эмоциональных/рациональных) в отношении ВГМЭК, высвечивающих основные факторы социального напряжения, влияющие на их переживание респондентами.

Таблица 1. Градации отношения респондентов к ВГМЭК как социальному феномену

Table 1. Gradations of respondents' attitude towards domestic ethnic conflict as a social phenomenon

Отношение респондентов к ВГМЭК		
Отрицание существования ВГМЭК	Проблематизация ВГМЭК	Признание неизбежности конфликта ВГМЭК
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Отрицание наличия ВГМЭК в системе социальной реальности жителя мегаполиса, в частности, Санкт-Петербурга.	Проблема ВГМЭК есть, связь феномена ВГМЭК с неконтролируемой государством трудовой миграцией.	Внутригосударственный межэтнический конфликт – это беда. Знание о других ВГМЭК значительно усиливает беспокойство респондентов.
ВГМЭК – это мелкие столкновения на бытовом уровне, которые можно погасить. Нужны превентивные меры со стороны государства, правоохранительных органов, чтобы их предупреждать.	Настороженное отношение к трудовой миграции, расчет на безнаказанность представителей трудовой миграции, которые совершают преступления, усугубляется отсутствием контроля со стороны властей.	ВГМЭК неизбежен. Опасения по поводу частоты возникающих межэтнических конфликтов в России: Согласие с тем, что все конфликты (Кондопога, Пугачев, Сагра, Бирюлёво и др.) носили межэтнический характер.
Отстраненное отношение к ВГМЭК. Личный опыт: этнические столкновения возникают везде, как стычки на бытовом уровне, и в студенческой жизни они бывают, и на улице.	Ассоциативная связь между понятиями: «межэтнический конфликт» и «трудовая миграция».	ВГМЭК неизбежны. Они происходят рядом. Ты вынужден в них участвовать.

1	2	3
Межэтнические столкновения и драки на бытовой почве – это совершенно разные явления. Но Кондопога, Бирюлёво, Пугачев – это именно драки, которые по непонятной для респондентов причине разрослись до массовых столкновений.	Знание о серии межэтнических столкновений (массовых драках в Нижнем Тагиле, Сургуте, происшествие под Иркутском с участием граждан КНР, конфликт в Перми, конфликты в Демьяново, Корбалово, событиях в Яндыках, столкновение местных жителей с армянской представителями общиной в Красноармейске и др. заставляет респондентов размышлять о ВГМЭК как о системном явлении.	Респонденты уверены, что ВГЭМК в городах России, отличаясь большой напряженностью, указывают на наличие серьезных социальных уязвимостей.
Некоторые респонденты вообще не понимают сути вопроса: начинают рассказывать о межгосударственных конфликтах (Армяно-Азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, Чеченские войны, Грузинско-российская война и т. п.)		Респонденты настолько уверены в реальности межэтнического противостояния в социальных отношениях современной России, что в их представлениях нет разделения на этнический межгосударственный и ВГМЭК.

Мнения респондентов по поводу ВГМЭК разделяются на три типа: 1) отрицание самого факта ВГМЭК; 2) признание неизбежности ВГМЭК; 3) проблематизация ВГМЭК (табл. 1). Та группа респондентов, которая отрицает сам факт ВГМЭК, в интервью утверждала, что есть экономические и социальные проблемы, освещение которых в СМИ, выполняющих политический заказ, рисуется «продажными журналистами» красками этнического противостояния исключительно по указанию конкретных политиков.

«...А я и не помню этнических конфликтов. Что касается фанатского погрома на Манежной площади 11 декабря... ну, так это молодежь хулиганила, прикрываясь убийством Егора Свиридова». (Котлубай А.М., 79 лет)

«....Этнических конфликтов как таковых у нас нет, есть только проявления на-

ционализма у группы людей (чаще молодежи) к народам Кавказа, да нетерпимость к наплыву трудовых мигрантов из Средней Азии». (Наконечный Д.Н., 23 года)

«...Я думаю, что мелкие стычки на этнической почве у нас в стране сегодня происходят из-за внутреннего недовольства людей своим положением. А крупные акции (этнические столкновения: Бирюлёво, Пугачев, Кондопога) искусственно раздуваются провокаторами по заданию властей для устрашения и предупреждения нежелательных более крупных волнений. Они же проходят в больших городах, где много мигрантов». (Круглов А.Ф., 51 год)

«....террористы, национал-экстремисты.... с ВГМЭК это они связаны. Они преследуют свои интересы, чаще всего каждый раз разные. Это просто преступники». (Наконечный Д.Н., 23 года)

Даже поверхностный транссимволический анализ смыслов высказываний респондентов позволяет выделить эмоциональную составляющую высказываний респондентов, признающих неизбежность конфликтов такого рода, отделив ее от рациональной. В высказываниях респондентов ВГМЭК описывается как острая проблемная ситуация, имманентная социальному ландшафту жизни больших и малых городов современной России.

«...ВГМЭК – это непременно большая социальная проблема, коих у нас в стране полным-полно. Не могу себя назвать равнодушной к этой ситуации, но и к приверженцам категоричных взглядов (нацисты или мирные граждане, которым в принципе все равно, лишь бы выглядеть белыми и пушистыми) не могу себя отнести...». (Федосеева Э., 25 лет)

«...Конечно, ВГМЭК актуальны сегодня. Если еще два года назад о них как о социальной проблеме почти не говорили, то сегодня эту проблему политики и СМИ стараются вывести на первый план». (Федосеева Э., 25 лет)

Во многих высказываниях наших респондентов звучало предчувствие неизбежности ВГМЭК, причиной чему была исторически сложившаяся ситуация: многонациональность РФ, а также стран Европы.

«Страна (РФ) с такой огромной территорией просто не может не быть многонациональной, поэтому межэтнические конфликты неизбежны, тем не менее, на сегодняшний день, я бы не сказала, что в стране их много. Наверное, это потому что люди привыкли к многонациональности в период СССР, но мы уже живем в России и граничим не с республиками, а с отдельными странами, и приезжие не ведут себя так, как добавляет гостям в нашей стране». (Молочкова М., 22 года)

«...Конечно, убийство Егора Свиридова спровоцировало в дальнейшем потерю еще четырехсот жизней. Даже если мы будем говорить: «Ребята, давайте жить дружно», как кот Леопольд – не получится эта дружба. Необходимо относиться к российской многонациональности без предвзятости... правило простое – относиться терпимо ко всем нациям. Конфликтов не избежать, это нормальный процесс. Но го-

сударству, в свою очередь, необходимо быть готовым к регуляции и необходимому подавлению». (Хрисанфова С.М., 22 года)

«Я думаю, что современные конфликты стали одним из ведущих факторов напряженности, нестабильности нашей обыденной жизни». (Берестов Ю., 23 года)

«...Не знаю, что и думать. Многих россиян пугает уровень опасности ВГМЭК. Массовые конфликты с участием трудовых мигрантов захлестнули Европу». (Федосеева Э., 25 лет)

Респонденты, рассуждая о ВГМЭК, часто мыслят стереотипно, связывая воедино понятия «чужой», «другой», «враг» и «трудовая миграция». Респонденты второй и третьей возрастных групп (29–54 года и 60 лет и старше), рассуждая о ВГМЭК, утверждали, что в советское время таких конфликтов не было. По их мысли, сегодня в мегаполисах появилось слишком много приезжих (трудовых мигрантов), которых раньше не было. После распада СССР эти мигранты стали настоящими иностранцами. Они «не наши». Они «чужие», они прибыли к нам из других стран.

В условиях мегаполиса эти «чужие» намеренно демонстративно позиционируют себя как «другие», «чужие». Агрессивное отношение со стороны коренных жителей к ним возникает естественным образом и постоянно накапливается. В результате, конфликты возникают все чаще. Чтобы их предотвратить, по мнению респондентов: 1) трудовые мигранты, должны вести себя в соответствии с обычаями российских городов; 2) государство должно активнее регулировать миграционные процессы.

«После распада СССР экономика многих бывших Республик пришла в упадок. Людям пришлось перебираться в Россию с целью заработка. А в Советском Союзе не было такого количества трудовых мигрантов, так как работу они могли найти и в своей Республике». (Шестняк Е.Б., 53 года)

«...на данный момент требуется институционализация государственной этнической политики, что означает системную реализацию политических интересов, ценностей и норм, к тому же нужен правовой контроль государства над соблюдением международно-признанных принципов

межэтнических отношений в полиэтническом обществе». (Хабибулина Н.И., 63 года)

«... Наше государство провалило миграционную политику, по сути, открыв границу для всех желающих из бывшего СССР. Поэтому все следующие шаги в этой политике являются слишком мягкими. Они уже не могут кардинально изменить ситуации». (Магнушевский М.И., 23 года)

Респонденты негативно переживают присутствие «чужих» (торговцев на рынке, работников сферы услуг, сотрудников ЖКХ, рабочих на стройках и т. п.). Это создаёт у них ощущение, что они не только могут, но и должны принять участие в ВГМЭК, если они вдруг вспыхнут:

«...Если бы мне действительно пришлось принимать участие в подобном конфликте, чего я не желаю, я бы поддержала жителей мегаполиса. Такие конфликты можно прогнозировать, т. к. они мотивированы недовольством общества принимающей стороны в отношении трудовых мигрантов...». (Хрисанфова С.М., 22 года)

«...Мне жаль, что люди не могут жить в мире и согласии. Но я также понимаю, что и идеальный мир невозможен. Я надеюсь на то, что конфликты будут сведены к минимуму, и страдать от них будет меньше людей.... тем более погибать! Ведь зачастую когда происходит такого рода конфликт рядом с тобой, то ты буквально вынужден принять в нем участие...». (Касминская М.В., 29 лет)

«...Если межэтнический конфликт произошел в вашем городе или районе... неужели вы просто прослушаете эту новость? Или, может, все вспыхнет при вас, и вы останетесь равнодушными к ситуации?.. Хотя, конечно, можно и остаться в стороне». (Касминская М.В., 29 лет)

ВГМЭК как символ социального напряжения переживается респондентами как «неизбежность», «близкая беда». Чувство тревоги, настороженности, негативные эмоции – все это для них связано с представлениями о ВГМЭК.

«Конфликт – это всегда плохо, тем более этнический. Я негативно отношусь к

конфликтам, которые происходят на территории России с участием граждан, прибывших из стран ближнего зарубежья. Понятно, что эти люди приехали к нам на заработки. Но конфликты с ними никогда не бывают вызваны какими-то положительными эмоциями. Обычно наоборот...». (Касминская М.В., 29 лет)

«Межнациональные конфликты в городах России всегда очень напряженные. Население у нас и так избыточно напряженное, недовольное условиями существования. Местные люди и так живут в условиях сильной конкуренции за работу, жилье, высокой нагрузки на инфраструктуру. А тут еще и трудовые мигранты нахлынули...». (Теличан Н.В., 23 года)

«Один из моих знакомых участвовал в конфликте в Кондопоге, в Карелии. Он не пострадал, но по рассказам, это очень страшно... Такие конфликты – это настоящая беда». (Касминская М.В., 29 лет)

Рационализация представлений о ВГМЭК осуществляется респондентами путем использования таких символических маркеров как «свой» (коренной житель мегаполиса, автохтон, представитель «русского мира» и «чужой» (трудоустроенный мигрант, представитель пришлого населения, и даже террорист).

«Свои-чужие» – эта ситуация очень жизненная. Такого рода противостояния неизбежны, даже в небольших студенческих коллективах. Вот я пришел учиться в Полярную Академию (СПб), когда там уже произошел конфликт между тувинцами и русскими, а затем еще один конфликт: между ненцами и русскими, который закончился дракой. Сам я в этих конфликтах не участвовал. Они были до меня». (Головкин Д., 21 год)

В ходе интервью наши респонденты постоянно стремились установить смысловую связь между понятиями «ВГМЭК» и «трудоустроенная миграция». Многие описывали свои представления о ВГМЭК в терминах, более связанных с понятием «нация», чем «этнос», т. к. справедливо полагали, что трудовые мигранты из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана – это жители других государств.

«Когда мы говорим об этнических конфликтах, в первую очередь, мы думаем о мигрантах. Действительно, мигранты, которые сегодня есть, они создают проблемы для местного населения, но, кроме этого, и само местное население тоже создает трудовым мигрантам проблемы». (Каршанов Д., 24 года)

«Этнос – это народ. Мне кажется, что говоря «межэтнический конфликт», мы подразумеваем «межнациональный конфликт». (Каршанов Д., 24 года)

Заключительные замечания.

1. Как удалось выяснить в ходе анализа текстов интервью, факторами, оказывающими влияние на уровень социального напряжения респондентов в связи с усилением процессов трудовой миграции, являются: 1) государственная политика в области регулирования трудовой миграции; 2) усиление негативного отношения трудовых мигрантов к коренному населению российских мегаполисов, в частности, к жителям Санкт-Петербурга; 3) особенности практик выстраивания толерантных отношений у жителей мегаполиса с «другими», «чужими», т. е. с трудовыми мигрантами; 4) многонациональность РФ (историческая данность) как потенциальный, но неизбежный источник ВГМЭК.

2. Идеи, которые высказывали респонденты, часто подкреплялись выражениями: «конечно!», «как я уже говорил вам ранее». Тем самым они стремились подчеркнуть универсальность своих взглядов как «людей толпы», а именно, представителей массового общества. Х. Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс» понятие «человек-масса» определяет как психологический феномен. Основными его признаками является «быть и думать, как все», быть лишенным исторического сознания и отрицать культуру. Иными словами, наши респонденты старались выглядеть, как жители мегаполиса, как те, кто могут согласовывать свои чувства и представления об общественных процессах, например, ВГМЭК, «выходя из своих ментальных ячеек». Объединение таких людей возникает, по мысли Э. Дюркгейма, на неконтролируемой эмоциональной основе: в нашем случае негативной эмоции переживания феномена ВГМЭК.

3. Признание факта ВГМЭК как аспекта современной социальной реальности двумя

группами респондентов (теми, кто видит неизбежность ВГМЭК, и теми, кто готов проблематизировать возможность конфликтов такого рода). Исходя из анализа текстов интервью [17], можно заключить, что такими последствиями для жителей Санкт-Петербурга могут стать: 1) дальнейший рост националистических настроений, 2) снижение толерантности в отношении представителей трудовой миграции, 3) рост социальной напряженности, включая выступления против коррупции и этнической преступности.

4. Наше исследование – вклад в общесоциологический мониторинг настроений россиян по отношению к проблеме ВГМЭК. Такой мониторинг открывает возможности: 1) прогнозировать дальнейшее развитие протестной активности и ее дрейф между отраслями, регионами и типами конфликтов; 2) определять источники потенциальных и реальных угроз, о которых люди рассказывают в устных интервью более развернуто и охотно, чем при заполнении установочных анкет; 3) разработать нетривиальные сценарии формирования толерантных отношений в обществе на основе информации, которая латентно содержится в интервью.

5. Мы надеемся, что изучение мнений респондентов о ВГМЭК в итоге сможет способствовать повышению гуманизации общественных отношений, т. к. заставят общественность задуматься не только над причинами, но и последствиями этих конфликтов. Иными словами, мы полагаем, что через рефлекссию респондентов возможно смягчение состояний социальной фрустрации, агрессивных настроений, социальной напряженности в общественных отношениях. Метод нарративного интервью позволяет осуществить проблематизацию феномена ВГМЭК в сознании респондентов через такие понятия, «участие», «сочувствие», «понимание» не только, но, в итоге, и жителей мегаполиса.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 2014-201 «Толерантность в условиях транслокальных идентификаций: социальное и этнокультурное измерения», проект № 14-03 00298.

Acknowledgements

The work was prepared with the support of a grant RHF № 14-03 00298.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Безбородова Т.М. Мигранты на российском рынке труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 66–72.

2. Бредникова О.А., Паченков О. В. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика. Сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999 г.). Вып. 8. / Под ред. Бредниковой О., Воронкова В.М., Чикадзе Е. СПб.: ЦНСИ, 2000. С. 47–54.

3. Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 103–110.

4. Воронков В.М., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности / Воронков В.М. и И. Освальд (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 6–36.

5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. И. Тюрина. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.

6. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 51–57.

7. Камалова Г.Р. Стратегия применения рассказа жизни в этносоциологических исследованиях // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1(69). С. 48–52.

8. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3–12.

9. Паченков О.В. Этнические экономические мигранты: трансформация социальных отношений (на примере мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Санкт-Петербурге). URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/jetnicheskie-jekonomicheskie-migranty-transformacija-socialnyh-otnoshenij.html> (дата обращения: 10.08.2014).

10. Рассадина Т.А. Россияне в условиях «общества риска»: эмоциональный и ценностный аспекты // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 84–93.

11. Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 106–117.

12. Снисаренко А.Н. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге) // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 138–155.

13. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

14. Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. Предложение метода измерения социальной напряженности, основанного на расширении принципов репрезентационной теории измерений // Проблемы подготовки первичных данных в социологических исследованиях: сб. ст. / отв. ред. Ю.Н. Толстова, О.А. Оберемко. М.: Российское общество социологов, 2012. С. 100–113.

15. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема как воплощение парадоксального развития российского общества. URL: <http://toschenko.ru/publication/3/> (дата обращения: 10.08.2014).

16. Тютюнджи И.М. Новые формы социального активизма // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 149–154.

17. Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.

18. Thrasher F.M. The Gang. A Study of 1.313 Gangs in Chicago. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1968. Pp. 21–22.

19. Waldinger R. The Making of an Emigrant Niche // International Migration Review. 1994. Vol. 28. № 1, Pp. 3–30.

REFERENCES:

1. Bezborodova, T. M. Migrants in the Russian Labor Market. *Sociological Studies*. № 5 (2013). Pp. 66–72.

2. Brednikova, O. A. and Pachenkov, O. V. Ethnicity of “Ethnic Economy” and the Social

Networks of Migrants. *Ethnicity and Economy*. (St. Petersburg, September 9–12, 1999). Iss. 8. St. Petersburg: CNSI, 2000, Pp. 47–54.

3. Veselkova, N. V. A Semiformalized Interview. *Sotsiologicheskij zhurnal*. № 3 (1994). Pp. 103–110.

4. Voronkov, V. M. and Osvald, I. Introduction. The Post-Soviet Ethnicity. *Construction of Ethnicity*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Pp. 6-36.

5. Giddens, A. *The Constitution of Society: The Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Academicheskii Proekt, 2003. 528 p.

6. Gotlib, A. S. The Socio-economic Adaptation of Russians: Factors of Success and Failure of. *Sociological Studies*. № 7 (2001). Pp. 51-57.

7. Kamalova, G. R. The Strategy for the Use of the Story of Life in the Ethno-sociological Research. *Vestnik VEGU*. № 1(69) 2014. Pp. 48-52.

8. Kravchenko, S. A. Complex Social Reality in the Formation: The Problem of New Vulnerabilities. *Sociological Studies*. № 5 (2013). Pp. 3-12.

Pachenkov, O. V. *Ethnic Economic Migrants: the Transformation of Social Relations (Case of Migrants from Azerbaijan and Tajikistan in St. Petersburg)*. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/jetnicheskie-jekonomicheskie-migranty-transformacija-socialnyh-otnoshenij.html> (date of access: August 10, 2014).

9. Rassadina, T. A. Russians in a "Risk Society": The Emotional and Evaluative Aspects. *Sociological Studies*. № 11 (2013). Pp. 84-93.

10. Safonova, M. A. The Concepts of Functioning of Migrant Communities in American Sociology. *Sociological Studies*. № 12 (2005). Pp. 106-117.

11. Snisarenko, A. N. Ethnic Entrepreneurship in a Big City of Modern Russia (The Case of the Azerbaijan Community in St. Petersburg). *The Informal Economy. Russia and the World*. Moscow: Logos, 1999. Pp. 138-155.

12. Strauss, A. and Corbin, J. *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p.

13. Tolstova, Yu. N. and Voronina, N. D. The Proposed Method of Measuring of Social Tensions Based on the Extension of the Principle of Representational Theory of Measurement. *Problems of Preparation of Primary Data in Sociological Research*. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2012. Pp. 100-113.

14. Toschenko, Zh. T. *Centaur-problem as the Incarnation of the Paradoxical Development of Russian Society*. URL: <http://toschenko.ru/publication/3/> (date of access: August 10, 2014).

15. Tyutyundzhi, I. M. New Forms of Social Activism. *Sociological Studies*. № 5 (2012). Pp. 149-154.

16. Geertz, C. *Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture*. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.

17. Thrasher, F. M. *The Gang. A Study of 1,313 Gangs in Chicago*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1968.

18. Waldinger, R. The Making of an Emigrant Niche. *International Migration Review*. Vol. 28. № 1 (1994). Pp. 3-30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Окладникова Елена Алексеевна
доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
педагогический университет им.
А. И. Герцена,
набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-
Петербург, 191186, Россия
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR:

Okladnikova Elena Alekseevna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Herzen University
48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru